

ТРИ БЕЛЫХ КОНЯ

Конкурсный сборник

Литературный клуб
«ДОБРО»

Александр Новиков

**Три белых коня.
Конкурсный сборник**

«Издательские решения»

Новиков А.

Три белых коня. Конкурсный сборник / А. Новиков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965130-3

Вниманию читателей представляется конкурсный сборник литературного конкурса «Три белых коня», проведённого Литературным клубом «Добро» в декабре, январе, феврале 2018—2019 года.

ISBN 978-5-44-965130-3

© Новиков А.
© Издательские решения

Содержание

Александр Дудин	6
Декабрь	7
Новый год	8
«Мороз и солнце, воздух чистый...»	9
Февраль	10
Моему городу	11
Бумажный гномик	12
Зима	13
Конец зимы	14
Гурген Баренц	15
«Этот год был без «бабьего лета...»	16
«Когда призовешь меня, Господи...»	17
«Когда-то – давно это было ...»	18
«Сверчки дают последние концерты...»	19
«Всё чаще в снах ко мне приходит мама...»	20
«Всё сделано. Всё сказано. Осталось...»	21
«Зимою даже солнцу...»	22
«Меня язык до Киева довёл...»	23
«...А в Хьюстоне – дожди, дожди, дожди...»	24
«Зимой мне холодно...»	25
«Ранняя осень...»	26
«Есть необычные дни...»	27
«Я не смотрю по сторонам...»	28
«Зимою жду весны...»	29
«Последний снег был совершенно лишний...»	30
Зимний стоп-кадр	31
«Зима уходит...»	32
«Вот мы и встретились ...»	33
«Жизнь впадает в океан сказаний...»	35
«Я в жизни не умел держать удар...»	36
«Я хочу убежать от людей...»	37
«И вновь зима испытывает нас...»	38
Апокалипсис	39
«Наши надежды...»	40
«Я начал слышать голоса...»	41
«Стихами заговариваю боль...»	42
«Поэты уходят – стихи остаются сиротами...»	43
«Мне подарили жизнь – она была...»	44
«Подождите, дожди! Подождите дожди! Подождите...»	45
«Еще одна зима...»	46
«Мы Высший Разум называем Богом...»	47
«Ноябрьский ветер срывает...»	49
«Когда в душе собаки дискомфорт...»	50
Екатерина Свищёва	51
Зимняя сказка	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

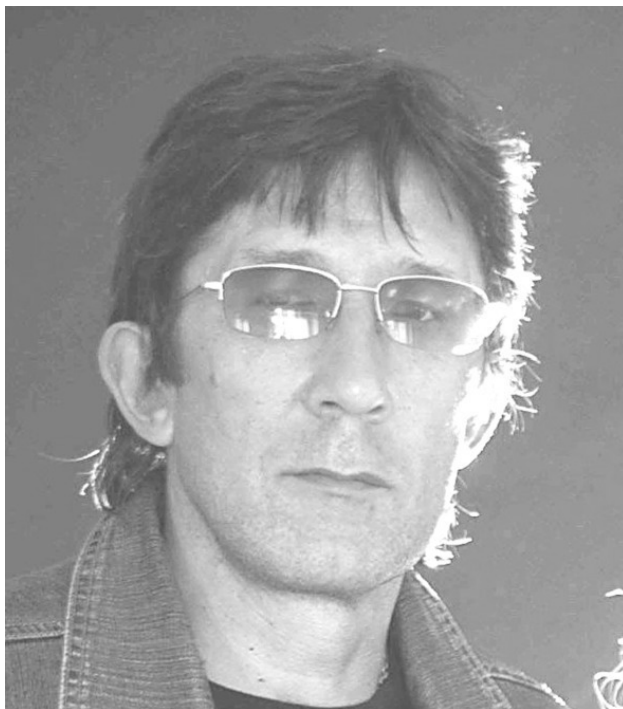
Три белых коня Конкурсный сборник

Редактор Александр Новиков

ISBN 978-5-4496-5130-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Александр Дудин

Автор восьми поэтических сборников, вышедших в издательствах Москвы, Барнаула, Саратова и Красноярска. Печатался в альманахах: «Енисей», «Наследие», «Поэт года», «Русь моя», «Георгиевская лента», «Лира» и других. За успехи в литературной деятельности награждён медалями Кирилла и Мефодия, и Антуана де Сент-Экзюпери. Руководитель поэтического клуба «Автограф».

Декабрь

С неба сыплется легкое чтиво
На страницы широких полей,
Отбивают поклоны учтиво
Тени старых больных тополей,

Шепелявят еловые лапки,
Забывая слова впопыхах,
На заборе боярские шапки
В горностаево-белых мехах.

Неуклюже ютится церквушка,
Прикорнув в неживых облаках, —
Как потерянная игрушка,
Переломанная в веках.

Память тяжело сжимается болью
И саднит накатившая грусть —
То декабрь сживается с ролью
В балагане под вывеской «Русь».

Новый год

Выстрел грянул – в небе блёстки
Разметались серебром.
Звук отрывистый и хлёсткий,
Как весенний первый гром.
Хором грянули хлопушки,
Рассыпая конфетти,
И летят цветные мушки —
Разноцветней не найти.
Мчатся сани под угоры,
Полозками снег скрипит,
Ветерок – попутчик скорый —
Вслед простужено хрипит.
Эй! летите быстро санки,
Завихряя снегом ночь,
Будет утро спозаранку
Замять снежную толочь.
А сейчас ликуйте, дети,
Веселись, честной народ!
Праздник радостный на свете —
Расчудесный Новый Год!

«Мороз и солнце, воздух чистый...»

«Мороз и солнце, день чудесный!»

А. С. Пушкин

Мороз и солнце, воздух чистый,
Крещенским звоном налитой
И снег – с рассветом серебристый,
А к вечеру, вдруг, золотой.

Шныряют голуби смешные,
С руки хватая семена.
Скучают ставенки резные,
Былые вспомнив времена.

Исходят скрипом тротуары,
На небе сгустки облаков...
Неугомонен город старый,
В седой излучине веков.

И, в день Господнего Крещенья,
Я в небо гулкое глядел,
Прося у города прощенья
За все, что сделать не успел.

Февраль

В проулке снежок хороводится,
Уснул монастырь на горе,
Где тихо грустит Богородица,
По солнцу и летней жаре.

Плывут облака многоснежные
В таёжную синюю даль.
Несёт холода неизбежные,
Разгульный бродяга февраль.

Стрекочут сороки испугано,
Свистят флюгера соловьём,
Вдали огородное пугало
Приветливо машет тряпьем.

Беснуется вьюга, утайкою
В сугробах январь хороня.
Колючею хлещет нагайкою,
И бьёт под микитки меня.

А трубы печные гобоями
Играют торжественно туш,
Как дворники, между запоями,
Будя беспросветную глушь.

Пусть снежная сыпь хороводится,
Но сколько б метель не мела,
Прошу я тебя, Богородица,
Плесни в мою душу тепла!

Моему городу

Холод мечется по полю
И деревья все в снегах —
То зима летит на волю
В семимильных сапогах.

Заковал мороз озёра
В ледяные зеркала.
Тишину взрывают хором
По утрам колокола.

На реке торчат торосы,
Старый тополь чуть живой,
Снег берёзовые косы
Заплетаёт бахромой.

Монастырская ограда
Ослепительно бела,
Как полки перед парадом
Золотые купола.

Дом согбенный и холодный,
Покосившийся заплот
И сидит на нём голодный,
Старомодный серый кот.

Лучезарного сиянья
Льёт по улицам поток.
Ты – Всевышнего создание,
Мой старинный городок!

Бумажный гномик

Домик заснеженный, одноэтажный,
На подоконнике гномик бумажный
Мирно глядит из-за веточки ели
И нипочём ему злые метели.

Маме в подарок, своими руками,
Сделала Маша в кружке оригами
Чудного гномика в красном жилете,
Чтобы он маме напомнил о лете.

В ручке у гномика посох из спички,
А за окном воробьи и синички
Просят у гномика, посохом, чтобы,
Он растопил поскорее сугробы.

Чтобы закапали с крыши капли,
Птицы запели весенние трели,
Чтоб улыбались почаще все люди,
Снова, как в детстве, мечтая о чуде.

Домик заснеженный, одноэтажный,
На подоконнике гномик бумажный,
Сделанный Машей в кружке оригами,
Гномик волшебный, подаренный маме.

Зима

Распотешилась колкая выюга,
За порогом не видно ни зги.
Бьётся белая замять недуга
В неводах ледящей тоски.

Наглотавшись за день непогоды,
Стала тише усталая грусть...
Истрепали земные невзгоды,
Засугробили хворями Русь.

Матерее зима-потаскуха,
Нахлобучив парадный зипун,
Шепелявит за окнами глухо
Надоедливый ветер-баюн.

Не уснуть. Дотяну до рассвета
Воспалённую память мою.
Ничего, что душа не согрета.
Ничего, что давно не пою.

Не судите меня очень строго,
Что любил прокатить с ветерком...
Скоро кончится жизни дорога —
Вон за тем ледяным бугорком.

Конец зимы

Зима взбесилась на исходе,
Туманом утро налитó,
Но я одет по новой моде,
В демисезонное пальто.

Ведётся счёт весёлым мартом
Морозных сорок сороков,
А я с мальчишеским азартом
Кормлю с ладони голубков.

Мне нипочём крошечный холод,
Слетает в душу благодать,
И бьётся сердце, словно молот,
Весну пытаюсь подковать.

Гурген Баренц

Гурген Баренц (Гурген Сергеевич Карапетян) род. в 1952 г.
в Ереване.

«Этот год был без «бабьего лета...»

Этот год был без «бабьего лета»:
Сразу осень, дожди, холода.
Ветер ринулся вниз с парашюта
И грозит порвать провода.

Где ты спрячешь сокровища, осень?
Ты, я знаю, богаче, чем Крез.
Вместо золота – жалкая проседь.
Ты на краски скупа позарез.

В серых днях – никакого просвета.
Воскресенье совсем как среда.
Этот год был без «бабьего лета»:
Сразу осень, дожди, холода.

«Когда призовешь меня, Господи...»

Когда призовешь меня, Господи,
Преврати меня в сахар – прошу Тебя,
И раствори меня в небе:
Пусть ему станет сладко.

А потом я прольюсь на землю —
Не манной небесною, нет! —
Обычным дождем или снегом.
Пусть земле станет сладко.

«Когда-то – давно это было ...»

Когда-то – давно это было —
Я любил твою юность.
Твою весну, твоё утро.
Ах, как много в тебе было жизни!
Жизнь плескалась в тебе, словно море.

А потом я любил твоё лето.
В нём таинственность, мягкость,
Размеренность звёздных ночей.
В нём кричали сверчки,
В нём журчали ручьи, пели птицы.

А теперь я люблю твою осень.
В ней склонились к земле
Золотые колосья пшеницы.
Кожа гранатов потрескалась,
Пряча рубины.

Есть ещё и зима,
В ней холодные, длинные ночи.
Завывание ветра,
Промозглые, мрачные дни,
Белый саван, зажжённые свечи...
Есть ещё и зима,
Но о ней мне не хочется думать.
Есть ещё и зима,
Но она далеко, далеко...

«Сверчки дают последние концерты...»

Сверчки дают последние концерты,
Не за горой дожди и холода...
Возьму билет, усядусь в самом центре:
– Начнем. Я весь внимание, господа.

«Всё чаще в снах ко мне приходит мама...»

Всё чаще в снах ко мне приходит мама.
Грустит, что я стал старше, поседел,
Что столько долгих лет она не с нами,
А здесь осталось столько важных дел.

Я говорю ей: скоро, очень скоро,
Я сам приду в твой непонятный мир.
А есть ли там леса, озёра, горы?
Растут ли там крапива и аир?

Она молчит, а взгляд такой печальный!
Такому взгляду не нужны слова.
В халате белом – словно в платье бальном —
Идёт по лугу, а вокруг – трава.

Мне шлёт сигналы мир потусторонний,
Но я ещё немного поживу.
Сирены смерти карканьем вороньим
Зовут меня во сне и наяву.

Всё чаще в снах ко мне приходит мама,
И от неё исходит лунный свет.
А в небе, как в трёхмерной голограмме,
Рождается спасительный рассвет.

«Всё сделано. Всё сказано. Осталось...»

Всё сделано. Всё сказано. Осталось
Достойно встать, откланяться, уйти.
Земная жизнь – всегда такая малость:
Я сбиться толком не успел с пути.

Смотрел на жизнь откуда-то из зала.
Светло на сцене, но меня там нет.
Я жил на свете – или показалось?
Куда меня зовёт слепящий свет?

Всё сделано. Финита клоунада.
Ах, этот свет! Как сладко он зовёт!
Пойду на зов – в нём есть своя услада,
Отдохновенье от сумбура лет.

Всё сказано. Слова уже устали.
В столетиях совершенней мир не стал.
Добро и зло меняются местами
И мирно делят общий пьедестал.

Всё сделано. Всё сказано. Осталось
Достойно встать, откланяться, уйти.
Земная жизнь – всегда такая малость:
Я сбиться толком не успел с пути.

«Зимою даже солнцу...»

Зимою даже солнцу
Не встается.
Оно все тянет,
Тянет с пробуждением...
С постелью неохотно
Расстается.
Хомут на шее —
Это восхождение...

«Меня язык до Киева довёл...»

Меня язык до Киева довёл.
Там огород, там бузина да дядька.
Что с дядьки взять? – с него все взятки гладки.
А бузина – везде, где произвол.

А что язык? Язык – он без костей.
Как помелом прошёлся по Майдану.
Не верится, хотя свежо преданье,
Что дьявол – самых радужных мастей.

Он снова нас попутал – старый чёрт.
Мы слушали его, развесив уши.
А разум говорил всё тише, глуше.
Лукавого подначивал эскорт.

Поэты мы. Нам дьявол – не указ.
Мы – соль земли, её первооснова.
Поэты мы. Мы властелины слова.
Наш плач и крик души – не напоказ.

Мы – крайние, и нам держать ответ
За бузину, за дядьку и за Киев;
За боль и за страдания людские,
За весь несовершенный белый свет...

«...А в Хьюстоне – дожди, дожди, дожди...»

...А в Хьюстоне – дожди, дожди, дожди;
А Хьюстон – далеко, за океаном.
И там – моя кровинка, внучка Анна.
Так хочется прижать её к груди!

А в Хьюстоне – дожди, дожди, дожди.
Душа и сердце – там, за океаном.
Дружу с тоской-печалью окаянной;
Вдруг так кольнёт, что Бог не приведи.

Мне внучку Анну не прижать к груди.
Мне мало «Скайпа», мало слышать голос.
Жизнь раскололась, сердце расколосось.
...А в Хьюстоне – дожди, дожди, дожди...

«Зимой мне холодно...»

Зимой мне холодно,
А летом – жарко-жарко.
То в морозильнике живу,
То в скороварке.
Ну где же ты,
На рай похожий край?
В мечте о нем
Вся жизнь пошла насмарку.

«Ранняя осень...»

Ранняя осень
похожа на раннюю старость.
Листья роняют
Свою золотую усталость.
В пиршестве красок
почти ничего не осталось.
Только оттенки и блики,
лишь самая малость.

Ранняя осень
похожа на раннюю старость...

Ранняя старость
похожа на раннюю осень.
С миной весёлой
себя по годам мы проносим.
К сердцу по венам
крадётся морозная просинь.
Сколько отмерено нам —
семь шагов или восемь?

Ранняя старость
похожа на раннюю осень...

«Есть необычные дни...»

Есть необычные дни,
хоть они, в общем, тоже обычны.
Всё удивляет тебя,
Хотя всё это было с тобой.
Смотришь растерянно,
Словно поймали с поличным:
Вроде рассвет как рассвет,
Но какой голубой!

Есть неудачные дни,
хоть они, в общем, тоже удачны.
Всё удручает тебя,
И всё валится как-то из рук.
Солнце встаёт,
Словно миру бросает подачку;
Всё, что тебя удручало,
Рассыпалось вдруг.

Есть непонятные дни,
Хоть они, в общем, тоже понятны.
В каждой улыбке —
Какой-то загадочный штрих.
Смотришь на солнце —
И видишь там новые пятна.
Люди, клянусь вам —
Вчера ещё не было их.

Есть неприятные дни,
И от них никуда нам не деться.
Жизнь невозможна
Без чёрных полос и утрат.
Нас осаждают они,
Как кошмары далёкого детства.
Дни мои, дни мои
Пламенем синим горят...

«Я не смотрю по сторонам...»

Я не смотрю по сторонам,
Чтобы душа не уязвлялась.
Кому отдать свою усталость —
Бродягам или воробьям?

Я не смотрю по сторонам,
Чтоб моё сердце не томилось.
Ах, что за осень! – Божья милость,
Судьбой дарованная нам.

Я не смотрю по сторонам,
Иду – чужой и посторонний.
Потусторонние вороны
Кричат, дерутся здесь и там.

Не верю больше вещим снам;
Несу, как крест, свою усталость.
И, чтоб она не расплескалась,
Я не смотрю по сторонам.

«Зимою жду весны...»

Зимою жду весны,
Весною – лета.
Жду летом осени,
А осенью – зимы.
И так – всю жизнь.
Такое ощущение,
Что жизнь проходит
В зале ожидания...

«Последний снег был совершенно лишний...»

Последний снег был совершенно лишний.
Он выпал на расцветшие сады.
Его не поняли ни яблони, ни вишни,
Снег был для них синонимом беды.

Он всё напутал, этот снег апрельский.
Пришёл некстати – как незванный гость.
Он пошутил, но шутка вышла пресной,
Он в ней старался выплеснуть всю злость.

Деревья гибли, ёжась и сутулясь.
Снег был не прав, он в ярости был слеп.
Зима перед уходом огрызнулась
И дверью хлопнула. И заперла свой склеп.

Зимний стоп-кадр

И снова лес без кроны и короны.
Он съёжился, скукожился; он замер.
Молчит и с настроением похоронным
Встречает утро сонными глазами.

«Зима уходит...»

Зима уходит.
Простираю руки весне
И грущу по ушедшей зиме.

Весна уходит.
Простираю руки лету
И грущу по ушедшей весне.

Уходит лето.
Простираю руки осени
И грущу по ушедшему лету.

Уходит осень.
Простираю руки зиме
И грущу по ушедшей осени.

Уходит жизнь.
Простираю руки смерти
И грущу по ушедшей жизни

«Вот мы и встретились ...»

Вот мы и встретились —
Два старых ворчуна, —
Старик и море.
Ещё несколько лет,
И я перестану ворчать.
Зато море – не перестанет.

Вот мы и встретились —
Два старых чудака, —
Старик и море.
Ещё несколько лет,
И я перестану чудить.
Зато море – не перестанет.

Ну что, дружище море,
Всё ворчим?
Ах, как я по тебе
Истосковался!
Ведь я способен
До скончания века
Сидеть и слушать,
Как гремит прибой.

Ну что, дружище море,
Всё чудим?
Ах, как же мне
Тебя недоставало!
И как мне тяжело
Осознавать,
Что наша встреча
Может быть последней.

Едва успел сказать тебе:
«Привет!»,
Как подоспело время
Расставаться.
Ну что же,
Поворчи мне на прощанье,
Дружище море.
Возьми на память
От меня монетку.
И верь мне, верь,
Я вновь к тебе приду.

Ну, а пока —

Прощай, мой старый друг,
Прощай, мой старый,
Мой ворчливый друг.

«Жизнь впадает в океан сказаний...»

Жизнь впадает в океан сказаний,
Все они – с банальнейшим концом.
Мы стареем кожей и глазами,
Мы стареем сердцем и лицом.

Старость, ты – не Рим, ты – потаскуха,
Ставшая над нами госпожой.
Мы стареем чувствами и слухом,
Мы стареем телом и душой.

И не взять шалаву на поруки;
Ясно с нею всё давным-давно.
Жаль, что на старуху нет прорухи:
Вытолкаешь в дверь, она – в окно.

Да, душою тоже мы стареем,
Хоть твердим, что молоды душой.
Меньше пишем яблом и хореем:
В ямбах мир не очень-то большой.

Мы, поэты, – пасынки удачи.
Тот, кто исключение, – не в счёт.
Смена вех – нас сразу под раздачу,
Выживаешь, если повезёт.

Мы стареем кожей и глазами,
Мы стареем сердцем и лицом.
Жизнь впадает в океан сказаний,
Все они – с банальнейшим концом.

«Я в жизни не умел держать удар...»

Я в жизни не умел держать удар.
Те, кто умели, явно преуспели.
В фаворе у судьбы, всегда при деле,
И их не ловит ни один радар.

Жизнь была иногда под самый дых,
И ниже пояса ударить не гнушалась.
Ведь это для неё – простая шалость,
Не счесть всех этих «шалостей простых».

Жизнь не была приветлива со мной,
Хотя не изощрялась в испытаньях.
Потери, словно старые преданья,
Живут во мне неясною виной.

Безденежье – мой старый, верный друг —
Как тень, повсюду следует за мною.
Ну, надо же, я ни гроша не стою;
Бегу по кругу, но порочен круг.

Я в жизни не умел держать удар,
А если бы умел, то был бы паном.
И было бы мне всё по барабану,
И жизнь была бы сладкой, как нектар.

«Я хочу убежать от людей...»

Я хочу убежать от людей,
Чтоб не видел никто мою старость.
Всё, что есть у меня, – лишь усталость,
С каждым годом она тяжелей.

Я хочу убежать от родных,
От семьи, от соседей, знакомых.
Я когда-то был парень не промах.
Что осталось от дней озорных?

Я хочу убежать от судьбы;
Я устал ощущать себя лишним.
Я везде – неприкаянный слишком.
А болячки растут, как грибы.

Я хочу убежать от себя,
Спрятать голову в дюнах пустыни.
Я отшельником стану отныне,
В катакомбах лишения терпя.

Просто взять и уйти – без затей.
Жизнь прошла – виден краешек поля.
Чтоб не видел никто моей боли,
Я хочу убежать от людей.

«И вновь зима испытывает нас...»

И вновь зима испытывает нас;
Считаем дни с промозглыми ночами.
Когда-то мы зимы не замечали
И радовались, если задалась.

Моложе были мы, сильнее были,
И больше был терпения запас.
И брызги от лихих автомобилей
Не жгли и не доканывали нас.

Мы – было время – восхищались снегом.
Сегодня он для нас – клубок проблем.
Снег нам грозит очередным набегом:
Он с нами не считается совсем.

Теперь – другая жизнь, и мы – другие;
Труднее совмещаем смех и снег.
На улицах деревья сплошь нагие,
Ах, этот снег! Его набег – навек...

Апокалипсис

Когда поэты потеряют совесть,
когда поэты потеряют стыд,
Планету, с гравитацией рассорясь,
Как яблоко, собьёт метеорит.

Померкнет свет, и мир, к концу готовясь,
Смертельно затоскует, загрустит,
Когда поэты потеряют совесть,
Когда поэты потеряют стыд...

«Наши надежды...»

Наши надежды
остаются с нами
до нашего последнего дыхания.
Наши надежды
на удивление живучи
и жизнелюбивы.
Наши надежды
не просто умирают последними, —
они умирают после нас.

«Я начал слышать голоса...»

Я начал слышать голоса
Иных миров.
А в снах такая бирюза,
Что – будь здоров!

Из слова выткался рассказ,
За ним – другой.
Жизнь как-то мимо пронеслась
Большой рекой.

Я где-то рядом был – стоял
На берегу.
Устал. Устроить бы привал:
Нет, не могу.

Жизнь – чей-то праздник, карнавал.
Чужой, не мой.
Сезам, открой свой терминал —
Хочу домой.

Я прятал душу от менял
За семь замков
И никогда не проклинал
Своих врагов.

...И вновь во сне – трава, роса,
Глубокий ров...
Я начал слышать голоса
Иных миров...

«Стихами заговариваю боль...»

Стихами заговариваю боль.
Но боль хитра – унять её не просто.
Она живёт под панцырем коросты,
Горит и жжёт, довольная собой.

Стихами ненавижу и люблю;
Стихи – опора, ось моих воззрений.
И пусть для вас я – экспонат музейный,
В стихах я кум любому королю.

Стихи дают приют моим мечтам.
В стихах просторно всем моим надеждам.
Пусть жизнь моя бесцветна, как и прежде,
За царство вдохновенья не отдам.

«Поэты уходят – стихи остаются сиротами...»

Поэты уходят – стихи остаются сиротами.
Ну кто их пригреет, кто доброе слово им скажет?
Не взрыхлены мысли, созвучия не обработаны,
Благие стремленья и совесть становятся блажью.

Поэты уходят. Всё тихо: ни грома, ни молнии;
Никто не заметил, что люди угрюмее стали.
Вином запивая бравурные речи застольные,
Они разъезжают по форумам и фестивалям.

Уходят поэты. Прощание – это прощение.
Простите нас, люди – мы были немного другими.
Мы много чудили, но нет назначенья священнее,
Чем поэты, пророки, властители дум, пилигримы.

Уходят поэты. А годы всё катятся, катятся...
Ну что за беда, что немного убавилось света?
Всё та же сумятица, те же вокруг неурядицы.
Поэты уходят. Уходят, уходят поэты...

«Мне подарили жизнь – она была...»

Мне подарили жизнь – она была
Вне всех границ, пределов разуменья.
Я видел над собою два крыла —
Другим они казались просто тенью.

Плыла река. И с нею жизнь плыла,
Ах, ухватиться б за неё руками!
А надо мной белели два крыла —
Другим они казались облаками.

Жизнь, словно щепку, унесла река.
Я так и не нашёл ей примененья.
Мне крыльями махали облака.
Другим они казались просто тенью.

«Подождите, дожди! Подождите дожди! Подождите...»

Подождите, дожди! Подождите дожди! Подождите.
Пощадите мой город, прохожих его пощадите.
Этот город греха для кого-то ещё и обитель.
Не спешите судить и рядить или просто обидеть.

Я не строил Ковчега: мне не было Голоса свыше.
Я всего лишь поэт, я живу в лабиринте созвучий.
Под гребёнку одну вы стрижёте банкиров и выжиг,
Я о душах заблудших скорблю, хоть ничем их не лучше.

Пусть для всех я чужой, но свой город не дам на расправу
Ни дождям разрушительным, ни огнедышащим лавам;
Мир с орбиты сошёл, часовой механизм неисправен.
Мы ещё поживём, Божье имя в веках мы прославим.

Не чудите, дожди! Не зудите, дожди! Не гудите.
Не бродите за окнами, раны мне не бередите.
Не спешите судить, свой губительный пыл остудите;
Подождите, дожди! Вы мой город греха пощадите.

«Еще одна зима...»

Еще одна зима
Нас холодом обступит,
Еще одна зима
Возьмет нас в оборот;
И радость детворы
Покажется нам глупой,
Когда крутой мороз
До мозга проберет.

Еще одна зима
Нас больно поцелует,
Ей будет невдомек,
Что причиняет боль.
И будет нашу боль
Стегать напропалую,
И будет силой нам
Навязывать любовь.

Еще одна зима
Нам принесет лишения,
И будет снег своей
Стесняться белизны;
Наш страх перед зимой
Нас выберет мишенью.
Мы будем дни считать,
И ждать, все ждать весны...

«Мы Высший Разум называем Богом...»

Мы Высший Разум называем Богом
И прикрываем фиговым листком
Свой трепет, страх, невежество, убогость;
К судьбе взываем – явно иль тайком.

Незащищённость – это обнажённость
Перед величием разверзшихся стихий;
И мы бежим с душою обожжённой
И прячемся в молитвы и стихи.

Всегда и всюду я ищу защиту
Перед капризами природы и людей;
В руках сжимаю веру, словно биту,
И каюсь, как последний блудодей.

Чем больше узнаём об этом мире,
Тем больше он, тем меньше мы пред ним.
А тот, другой, аморфен и эфирен,
Не очень внятен и неизъясним.

Свой трепет, страх, невежество, убогость
В молитву прячем и судьбу клянём;
Есть Высший Разум, он синоним Бога,
Но ничего не знаем мы о нём.

У зимнего солнца – бессонница.
Солнце бродит сердито и валко,
Как разбуженный медведь-шатун.

Осень
выткала
последний гобелен
и посвятила
завтрашнему
снегу.

Не просто жить, а вкладываться в жизнь;
Быть в гуще жизни каждым капилляром.
Держись за жизнь, цепляйся и держись,
Будь ты юнцом иль развалюхой старым.

Не просто жить, а грудью всей вдыхать
Все ароматы, запахи, оттенки,

И всё воспринимать как благодать,
Пусть даже это – мрачные застенки.

Вкушать свой каждый день, как сладкий плод,
И наслаждаться красочным закатом;
Вникать влюблённой мыслью в небосвод,
Дружить с ручьём, как с другом или братом...

Рубить хитросплетения интриг,
Впиваться в жизнь и жизнью упиваться,
Вгрызаясь в каждый мимолётный миг,
Вникая в жизнь и в ритм её вибраций.

В ней нежность синеоких голубиц,
Она бездонна, и она священна.
Земную жизнь без памяти любить,
Любить её до умопомрачения.

«Ноябрьский ветер срывает...»

Ноябрьский ветер срывает
С деревьев последние листья.
Это завтрашний снег рассылает
Свои визитные карточки.

«Когда в душе собаки дискомфорт...»

Когда в душе собаки дискомфорт,
Ей остается только выть и лаять.
А снег еще не скоро станет таять.
Ах, этот снег! Он всех переживет...

Екатерина Свищёва

Зимняя сказка

В лесу деревья: липы, клёны
Надели праздничный наряд,
Лишь ёлки в платьицах зелёных
Младыми девами стоят.

Вздывая листья – тише, тише,
Как бы во сне и наяву;
Здесь можно разговор услышать
И пенье птиц, и тишину.

В траве мелькают паутинки,
Грибы и ягоды в лесу;
На тонких стеблях, точно льдинки,
Повисли капли на весу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.